

АЛЕКСАНДРА УРБАН-ПОДОЛЯН

Польша, Зелёна-Гура

ОНИРИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ В ПРОЗЕ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ «ЖИВИ И ПОМНИ» И «ДЕНЬГИ ДЛЯ МАРИИ»)

ABSTRACT:

In Valentin Rasputin's work, as is the case with many other works which fall into the category of so-called 'rural prose', an important role is played by symbols, myths, dreams, etc. This paper deals with oneiric motifs found in Rasputin's novellas. Using A. Okopień-Sławińska's classification of literary dreams, we have labelled them as 'uniquely motivated dream stories' – opposed to the real-life events, which we try to prove on the basis of "Money for Maria" and "To Live and Remember".

KEY WORDS:

Valentin Rasputin – poetics – dream – dreams in literature – poetics of dream – oneiric motifs – dream motif – rural prose – XX-century Russian literature – history of Russian literature.

В творчестве Валентина Распутина – как и во многих произведениях «деревенской» прозы, немаловажное значение приобретают символы, мифы, сновидения и т.п. В настоящем сообщении мы уделим внимание последним из них, т.е. снам, которые Светлана Семенова определяет как *отчетливо распутинский прием* [Семенова 1987: 46], причем учитывая его ограниченные рамки, сосредоточим наше внимание на онирических сюжетах лишь в двух повестях писателя: «Живи и помни» (1974) и «Деньги для Марии» (1967).

Одной из наиболее известных работ, посвященных анализу литературных сновидений является труд Альбера Бегэна «Романтическая душа и сон» (1937), в котором дается классификация, включающая три возможных подхода к изучению данной проблематики (в зависимости от того, какая из функций сна считается исследователем доминирующей): психологический подход (использует литературный сон лишь в качестве материала для исследования психического состояния героя или автора), литературоведческий подход (предполагает взгляд на литературные сновидения как на особый элемент структуры художественного произведения, выполняющий определенные функции в составе це-

лого) и метафизический подход (ставит вопрос о том, какая реальность создается в произведении, *космическая, божественная или просто иллюзорная*) [Veguín 1937: 11–16]. Не уменьшая значимости вышеприведенной концепции Бегэна, для наших рассуждений мы применим однако классификацию польской исследовательницы, Александры Окопень-Славиньской, изложенную в статье «Сновидения и поэтика» и посвященную *внутритекстовому существованию сновидений* [Okopień-Sławińska 1973: 7–23].

Итак, А. Окопень-Славиньска выделяет три разновидности литературных сновидений: 1. *сон как особо мотивированный сюжет* (польск. *sen jako szczególnie motywowana anegdota* – прим. А. У.-П.), 2. *сон как модель поэтического воззрения* (польск. *sen jako model wizji poetyckiej*) и 3. *сон как тема высказывания* (польск. *sen jako temat wypowiedzi*) [Okopień-Sławińska 1973: 7–23]. Анализируя повести В. Распутина, можно прийти к выводу, что изображенные в них сновидения относятся в основном к первому из названных типов. Сон как особо мотивированный сюжет, согласно Окопень-Славиньской, являет собой увиденную во сне историю, противопоставленную событиям, происходящим в действительности, которая может, однако, иметь по отношению к ним управляющий смысл: пророческий, утешительный, предупредительный, катартический, носящий характер откровения и т.п. В структуре произведения сновиденческий сюжет обычно представляет собой «историю в истории»: будучи сновидением кого-либо из героев, является статическим или динамическим, в зависимости от сюжетных последствий, элементом художественного мира произведения; в свою очередь, в своем внутреннем развитии и организации она представляет собой автономную систему образов и событий, управляемую законами, отличными от тех, обязывающих в художественном мире произведения, считаемым явью [Okopień-Sławińska 1973: 8].

В повести «Живи и помни» так понимаемые сны сопутствуют как дезертиру Андрею Гуськову, скрывающемуся в окрестностях родной деревни, так и его жене Настене – главным героям повести. В случае Гуськова они относятся к военным воспоминаниям (в сновидениях его отдают под военный суд), отражая угрызения совести, связанные с актом дезертирства. И, несмотря на то, что именно в них появляется мотив смерти, то однако сновидения Настены – за счет введения образа реки Ангары [Wasiliew 1979: 320–337]¹ – заключают в себе плохое предзнаменование:

И сны ей снились тревожные, неразборчивые, не под разгад: то будто кто-то щекочет ее, кто-то неизвестный, невидимый, и она, заливаясь от смеха и ерзя на бегу, мчитса со всех ног в постель, чтобы спрятаться под одеяло; то она разговаривает с коровой Майкой, и корова умно и дельно ей отвечает; то самое себя, маленькую еще, жившую под Иркутском, она, взрослая и замужняя, учит плавать в Ангаре; то что-нибудь еще. Настена просыпалась от этих снов и с бьющимся, прыгающим сердцем подолгу лежала неподвижно, боясь пошевелиться

¹ О значении образа Ангары в структуре произведения.

и все думая и думая об Андрее, любя его горькой и заботливой любовью. Она любила его жалея и жалела любя – эти два чувства неразрывно сошлись в ней в одно [Распутин 2008: 252–253]².

С точки зрения композиции произведения самым значительным является, однако, другой сон – обоюдный сон супругов, увиденный ими одновременно во время пребывания Андрея на фронте, который Настена признает вещим:

Обоюдный сон – такого она, сколько жила, не знала. Обоюдный – стало быть, не простой, вещей. Его и загадывать не надо, он весь на виду. (182)

Женщина несколько раз приходит к мужу, прося его вернуться и помочь ей воспитывать детей. Тот, однако, каждый раз отталкивает ее, не веря словам жены, будто у них есть дети. Этот сон, как отмечает С. Поремба: [...] имеет свою предысторию в реальной действительности, связанной с безуспешным ожиданием ребенка, который вдруг неожиданно должен появиться именно тогда, когда они оказались в драматической, безвыходной ситуации [Poręba 1980: 28]. Отрицание Андреем материнства жены является в повести следующим, возможно что главным предвестием трагического финала – самоубийства беременной Настены. Поскольку, однако, вещие сны открывают возможность влиять на будущее [Lewis 1998: 196], Настена настойчиво требует от мужа вспомнить окончание сна, надеясь изменить ход событий:

- *Ишь как! Самого главного-то и не узнали. – Настена не удержалась, укорила: – Что тебе стоило согласиться или на худой конец промолчать? Теперь бы все по-другому было.*
- *Не хватало еще верить во всякие сны, – неуверенно возразил он.*
- *Сон-то, сам видишь, какой. На две стороны. В одну ночь, поди, и приснился обоим. Может, то душа моя к тебе навевывалась. Оттого все так и сходится. – Все еще надеясь на что-то, Настена продолжала допытываться: – И ни разу, ни разу ты меня после того с ребятенком не видел? Вспомни хорошенько.*
- *Нет, ни разу. (182)*

Сон так и остается незавершенным, в финале произведения находя продолжение – согласно предположениям Андрея – в реальной жизни героев:

Судьба его нарочно нам оставила. Чтоб не во сне, а в жизни показать. (182)

С. Семенова обращает внимание на некоторые особые, почти «телепатические» возможности Настены общения с близким человеком. Героиня каждый вечер, перед сном, разговаривает с мужем, а утром не поднимается прежде, чем не увидит его. Ей даже кажется, что своими «психейными» посещениями влияет на его волю. Согласно Семеновой, благодаря этим способностям, у Настены особенно глубоко понимание взаимной сплетенности судеб и ответственности [Семенова 1987: 91]. В контексте «обоюдного» сна героев следует,

² Далее цитаты из повести «Живи и помни» по данному изданию (с указанием страницы).

однако, вспомнить, что во время сновиденческих посещений – согласно традиционным представлениям – снящего навещает дух покойника, а не живого человека [Lewis: 146], что также можно воспринять как следующее плохое предзнаменование.

Таким образом, система сновидений в повести «Живи и помни» носит анти-тетический и, в то же время, пророческий характер по отношению к реальной жизни героев. В свою очередь, антитетический смысл сновидений Кузьмы, главного героя повести «Деньги для Марии», имеет целью [...] ненавязчиво, без риторики указать на простейший выход из положения, но он, однако, для нынешней реальности оказывается сущей утопией, место которой лишь в сонной фантазии [Семенова 1987: 46].

Как помним, у Марии, неопытной продавщицы сельского магазина, во время учета, оказывается недостача в тысячу рублей. Чтобы спасти Марию, следует вернуть казенные деньги в течение пяти дней (на такую отсрочку согласился ревизор). Кузьма (муж Марии) пытается одолжить деньги у односельчан, но собрать недостающую сумму в родной деревне ему не удается, и он решает ехать за помощью в город, к давно невиданному брату.

В произведении внимание привлекают два сна главного героя. Первый из них, повторяясь в начале и в конце повести, придает ей кольцевую композицию:

Ему (Кузьме – прим. А. У.-П.) приснился интересный сон: будто он едет в той самой машине, которая его разбудила, и собирает для Марии деньги. Машина сама знает, где они есть, и останавливается, а он только стучит в окно и просит, чтобы ему их вынесли. Деньги выносят, и машина идет дальше. [Распутин 2008: 93]³

Однако, если учитывать хронологию событий (в повести использован прием ретроспекции), этот сон непосредственно предшествует поездке Кузьмы в город. Следующей ночью, уже в поезде, он видит другой, «странный» сон:

Будто идет общее колхозное собрание, на котором обсуждается вопрос о деньгах для Марии. [...] стол, за которым сидят Кузьма и Мария, – уже не стол, а ларь, и в него со всех сторон, из многих-многих рук падают деньги. Через пять минут ларь полон. (38–40).

В итоге удается собрать 1125 рублей. Однако, вопреки сновиденческим событиям, прежний трехдневный опыт показал, что в деревне денег достать нельзя. Поэтому накануне встречи с братом Кузьму тревожат сомнения: [...] что мог бы значить этот сон с деньгами. [...] Неужели у него ничего не получится? Неужели все зря? (41).

Композиция повести остается незавершенной (действие заканчивается образом Кузьмы, стоящего у двери квартиры брата), но исходя из оппозиции онирических сюжетов и реальной действительности, в которой существуют герои, следует ожидать лишь худшего. Антитетический смысл снов в данном случае заключается в диссонансе между воображаемым, ожидаемым Кузьмой,

³ Далее цитаты из повести «Деньги для Марии» по данному изданию (с указанием страницы).

и реальным обликом людей, не способных к пониманию, сочувствию и бескорыстной помощи.

Таким образом, мы вкратце продемонстрировали лишь один из возможных подходов к проблематике литературных сновидений, а также один из способов существования онирических сюжетов в прозе В. Распутина. Для более полной разработки вопроса следует пополнить настоящие рассуждения, как исследуя более объемный текстовый материал, так и учитывая другие подходы к изучению данной проблематики (в том числе, упомянутую в начале классификацию Бегэна).

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BEGUIN, A. (1937): *L'âme romantique et le rêve*. V.1. Marseille 1937. Цит. по: ФЕДУНИНА, О.В.: *Поэтика сна в романе: «Петербург» А. Белого, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Приглашение на казнь» В. Набокова*. Дисс. канд. филол. наук. М. 2003, с. 11–16.
- LEWIS, J. R. (1998): *Encyklopedia snu*, Warszawa, с. 196.
- LEWIS, J. R.: Указ. соч., с. 146.
- ОКОПИЕŃ-SŁAWIŃSKA, A.: *Sny i poetyka*. In: *Teksty 1973*, N 2, с. 7–23.
- POREҔBA, S. (1980): Realizm, mitologia i utopia w prozie Walentina Rasputina. In: *Przegląd Humanistyczny*, N 7/8, с. 28.
- WASILIEW, W. (1979): W imię prawdy i dobra człowieka (utwory Walentina Rasputina). In: A. Wołodźko (eds.): *Antologia radzieckiego eseju literackiego. W poszukiwaniu syntezy*. Warszawa, с. 320–337.
- РАСПУТИН, В. (2008): *Век живи – век люби. Повести, рассказы*. Иркутск, с. 252–253. Далее цитаты из повести «Живи и помни» по данному изданию (с указанием страницы).
- РАСПУТИН, В. (2008): *В поисках берега. Повести, рассказы, статьи*. М., с. 93.
- СЕМЕНОВА, С. (1987): *Валентин Распутин*. М., с. 46, 91.